

Геннадий Кацов

«...качаюсь на волнах стиха»¹

О поэтике масок Бахыта Кенжеева

Не просите у осени смысла,
пожалейте её, господ.

Бахыт Кенжеев.

«Доживать, ни о чём не жалея...»

— Приходило ли тебе когда-нибудь в голову, —
спросил Крэнли, — что Иисус был не тем, за кого он себя
выдавал?

— Первый, кому пришла в голову эта мысль, —
ответил Стивен, — был сам Иисус.

Джеймс Джойс. «Портрет художника в юности»

Везет же некоторым быть слугой двух, а то и трех-четырех господ. Дело хлопотное, хотя иногда может пойти во благо. Это по свидетельству очевидцев, которым можно доверять: нашей сестры, одной на всех — Жизни, и кухни ее — Литературы.

Большой поэт, один из самых значимых и любимых, единственный в своем роде в русской словесности Бахыт Кенжеев по отцу — казах, по матери — русский. В нем, условно говоря, есть Запад, и есть Восток, «и здесь они встретились». Я не имею в виду систему ценностей, менталитет или различия в двойной спирали ДНК, присущие каждому этносу: Кенжеев переехал из Казахстана в Россию в 1953 году, в возрасте трех лет, и по его же признанию, по-казахски не говорит; а Москву он покинул давно, в 1982 году, отбыв в эмиграцию в Канаду, и в 2006 году переехал в американский Нью-Йорк.

Речь о неких архетипических моделях поведения, традиционно приписываемых Западу и Востоку, хотя антагонизм этот не без оговорок, и научно представлен, к примеру, в философско-этнографических трудах Мирчи Элиаде, да и Львом Гумилевым в его пассионарной теории этногенеза.

Запад — это завоеватель, агрессор, активный покоритель стран и первооткрыватель пространств (хотя татаро-монголы времен Чингисхана или турки периода Османской империи — завоеватели не менее дерзкие). Запад — это рабов захватить побольше,

¹ Из стихотворения Б.Кенжеева «Много в мире профессий. И подвиг любой...»

поймать все, что движется, всех денег заработать, каждого по-миссионерски образовать и своей бурной энергией народы удивлять, пугать и заряжать. А Восток — это буддийский покой и пассивная медитация (при этом, христианский аскет и отшельник не уступят тибетскому монаху в созерцании и самопознании, но типовые клише наработаны столетиями).

Неудачник закончит заочное, чтобы, отрочество отлетав,
забурить свое небо непрочное и его минеральный состав.
А счастливцев отбудет в Венецию, где земля не особо крепка,
но с утра даже в комнату детскую заплывают, сопя, облака.
Жизнь воздушная, кружево раннее — для того, кто раздет и разут,
пожелтевшую бязь мироздания шелковичные черви грызут.
И меняется, право, немного — чайка вскрикнет, Спаситель простит.
Невесомая тварь восьминогая на сухой паутинке висит.
Что там после экзамена устного? Не страшись. Непременно скажи,
чтобы тело художника грузного завернули в его чертежи.

Запад — антитеза нирване, Восток же — слабо артикулированное внешнее поведение по странной, на первый взгляд, формуле «всего не упустишь». Восток — дело тонкое: если качаться на волнах стиха, то лениво строчка за строчкой из донного сора вырастут, после чего останется их только записать.

Дыши глубже, не гони волну и не напрягайся: «В лирике Кенжеева реальность понимается как художественное произведение, где субъекту отводится роль персонажа, неспособного определять «направление» сюжетных линий, судьбу действующих лиц и сам стиль повествования». [А.Бокарев, Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970—1980-х годов. Ярославль, 2013] В конце концов, не забывай о восточном лейтмотиве, проходящем через абсурдистские тексты Беккета: «Все, что с тобой происходит, — не твое дело».

...Там угловатый хрип, ограбленное лето —
и море ясное. И парусник белей
счетов, оплаченных такую же монетой,
что давний проигрыш моих учителей.

Применительно к нашей теме, поэзия, по знаменитому определению Вордсворта, это «эмоция, вспоминаемая в состоянии покоя» (emotion recollected in tranquillity).

Это, все же, Восток. И если значительная часть русской литературы полна кипящими державинскими водопадами, жуковски-языковскими пловцами, лермонтовскими парусниками, пушкинскими арионами, тютчевской «злой жизнью» с ее «мятежным жаром», горьковскими буревестниками и ястребами Бродского, то бишь литературными героями, активно сопротивляющимися беспокойному морю (жизни) и стихии неба (Богу), то на другом полюсе следует ожидать явления Баратынского, Батюшкова, Фета, Случевского...

Золотой и Серебряный века русской поэзии, поэзия довоенная и второй половины XX века дали прекрасные примеры по всему спектру — от интенсивной созидательности до расслабленного созерцания. И Бахыта Кенжеева можно уверенно отнести к продолжателям традиции того же Баратынского (об этом и сам Кенжеев — в многочисленных пастишах, омажах и едва ли не прямых цитатах к хрестоматийной «Осени»):

... Дым отечества, чёрен и сладок,
опьяняет московскую тьму.
Рожа претерпевает упадок.
Вот и я покоряюсь ему.

«... Автор бесстрастно констатирует несовершенство мира... Философия потери, утраты, поражения или того, что на первый взгляд выглядит таковым, роднит поэзию Кенжеева с эстетикой дзэн-буддизма, с саби-ваби — настроением растроганности от ушербных вещей и одиночества, характерным для традиционной японской поэзии». [Н.Стрельникова, Ледоход на реке времен. НЛЮ, №73, 2005]

С этого места — поподробней перейти бы к поэтическому наследию Кенжеева. К его восточным инь-приятням, западной ян-охоте к перемене мест, впитыванием (всего не упустишь) «греческой губкой в присосках» конвенционального русского стиха, «темной воды» и «помутившегося воздуха» Мандельштама, традиций ОБЭРИУ, необиблейской темы жизни, которая «оказалась длинной», еще и в анжамбеманах и цитатах — хотя обо всем этом критиками и литературоведами написано, и сам Кенжеев рассказывает в массе интервью... Если бы не одно «но». Вернее, два, или даже три.

Устарел ли я сам? Черт его знает, но худосочным дзеном
не прокормишься, жизнь в лесах (сентябрьская паутинка, заячий крик)
исчерпала себя. Возвышая голос, твердя о сумрачном, драгоценном
и безымянном, слышу в ответ обескураженное молчание. Блик

осеннего солнца на Библии, переведённой во времена короля
Якова — и по-прежнему пахнет опятами индевеющая земля
молодых любовников, погрустневших детей, малиновой карамели
и моих друзей-рифмоплетов... [Насильственный обрыв цитаты]

Уникальность поэзии Кенжеева, «лица необщее выраженье» связаны не только с его особым поэтическим голосом, удивляющей, державинской, по сути, глубиной макабрических интонаций в добрососедстве с застольными анакреонтическими, но тем, что ему удалось устоявшийся, шизофренически-раздвоенный образ некоего абстрактного писателя убедительно, органически разделить на несколько составляющих. Я не касаюсь темы шизоида, как писательского типа (адресую к моему эссе о Саше Соколове, в котором немало об этом сказано [Г.Кацов, Между sudoku и воплем. О Саше Соколове, мастере плести интигру. «Знамя», № 8, 2017]), а говорю о банальном читательском подозрении, что в любом авторе сидят как Джекил, так и Хайд, как восточный гурман Омар Хайям, так и западный проспиртованный Веничка Ерофеев — и таких персонажей, alter ego может быть тьма тьмушая.

Как гетеронимов у Фернандо Пессоа. В отечественной культуре писателей такого профиля практически нет.

Гетеронимы Кенжеева — русский патриот Ремонт Приборов, мальчик-аутист Теодор, поэт Бахыт Кенжеев. Конечно, не впечатляющий список десятков вымышленных авторов (гетеронимов, полу-гетеронимов и псевдонимов), созданных Фернандо Пессоа, но по качеству маскам Пессоа не уступают.

Вы ничего не пропустили, я не оговорился: поэт Бахыт Кенжеев — гетероним, по моему скромному наблюдению. Но об этом позже.

Ремонт Приборов

...Как помню я те дни июня!
 Как от души тебя пою я!
 и возражений не боюсь.
 Сдержу ли слезы умиления,
 когда тебе бразды правленья
 вручает радостная Русь!..

*Р.Приборов. Ода на утверждение
 законного президента России*

Слово автору гетеронима: «Ремонт Тимофеевич Бытовых-Приборов никакой не грек, а коренной сибиряк, ныне, правда, проживающий в Москве, на заслуженной пенсии, по некоторым сведениям — правнучатый племянник Козьмы Пруткова. В качестве любознательного сантехника (двоюродного брата любознательного кузнеца из стихотворения Ходасевича) он пытливо относится к миру, возмущается его несовершенством; в последнее время гордится своим русским патриотизмом и со здоровой ненавистью воспринимает пиндосов, то есть белоамериканцев; сочувствует реформам, однако не забывает о выдающейся роли И.В.Сталина — гениального менеджера, который, по известному высказыванию Черчилля, взял Россию в лаптях и домотканом сарафане, а оставил в смирительной рубашке и с атомной бомбой в амбаре» [А.Белых, Чтение поэзии — занятие целомудренное. Октябрь, № 5, 2009].

Здесь необходимо одно существенное замечание. Возьми себе Мандельштам псевдоним в 1930-х годах, опытный читатель все равно узнал бы в «Воронежских тетрадах» и «Стихах о неизвестном солдате» автора «Камня» и «Tristia». Ранний Пастернак и Пастернак после 1934 года — это, несмотря на коренные различия, один и тот же писатель; Ахматова из «Поэмы без героя» узнаваема в юной даме, которая случайно «на правую руку надела перчатку с левой руки», а в «Столбцах» и стихотворениях после возвращения из ГУЛАГа Заболоцкий остается, трагически изменившись, Заболоцким.

Псевдоним — своего рода эскапизм, исчезновение имени реального автора и появление имени вымышленного; при такой «рокировке» не затрагиваются стилевые координаты письма. Гетероним же противоположен псевдониму — это количественное увеличение имен реального автора при качественной трансформации, перерождении творческого почерка, что случается и при переходе из жанра в жанр: так, Зинаида Гиппиус свои критические статьи подписывала гетеронимом «Антон Крайний».

Я не случайно упомянул Гиппиус. В 2018 году вышла в свет книга «Что нам есть с точки зрения химии». Вместе с соавтором — бывшим однокурсником по химфаку МГУ Петром Образцовым — Бахыт Кенжеев рассказывает в занимательной научно-популярной форме о еде с точки зрения химии. Перейдя из художественной литературы в научпоп, Кенжеев остается под своими ФИО. Здесь был понятный маркетинговый расчет, поскольку Кенжеев — имя известное, да и стихотворения его приводятся в книге. Но факт: гетероним ему при таком критическом, эпистемном разрыве не понадобился.

Расскажи мне, прекрасная Зата,
 О судьбе злополучных Балкан,
 Где бесчинствует гнусное НАТО,
 Как сорвавшийся с цепи Полкан,
 Где унижены добрые сербы,
 Где поруганы роза и крест,
 И Джордж Буш человечьи консервы
 На обед беззастенчиво ест!..

*Р.Приборов. Стихи о счастливой любви,
 посвященные прелестной хорватке Заточке Лыж*

Особенность гетеронимов: поэт Бахыт Кенжеев (р.1950) и поэт Ремонт Приборов (род. ок. 1950, как отмечено в его собрании сочинений) — неузнаваемые по отношению друг к другу авторы; это другое, в каждом случае, поэтическое письмо. К Бахыту неприменимы трудовая характеристика и творческая родословная Ремонта, и наоборот.

Сошлись «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень» — и столь различны меж собой. Могу предположить, что кроме того прочего, о чем пойдет дальше речь, гетероним Приборов понадобился Кенжееву не только ради возможности высказать затаенное «советское», как в любом из нас, родившихся в СССР. Это еще и повод проявить одну из собственных естественных ипостасей, открыв в антонимии «Восток—Запад» своего «другого Аз», пребывавшего до этого в сравнительном забвении — шаржированного пролетарско-советского, социалистически-немецкого (Маркс—Энгельс), то есть западноевропейского образца.

Приборов — по судьбе и поэтическому наследию «из другого теста». Он, кроме всего прочего, примерный гражданин со своей верноподданнической гражданской позицией: «...мой Приборов... из шуточных стихов, которые все мы в “Московском времени” писали бескорыстно, просто друг для друга. А поскольку в мире до сих пор ужасно много глупого, то без вдохновения товарищ Приборов не остается. Пару лет назад я совершил довольно некрасивый поступок. А именно: разместил очередные патриотические стихи Ремонта Тимофеевича (под другим именем) на сайте “Стихи.ру”. Там был и беловежский сговор, и американские империалисты, и все прочее. К моему великому смущению, читатели прислали пару десятков восторженных отзывов... Реальный же учитель Приборова — если не считать Козьмы Пруткова — это, конечно же, блистательный Игорь Иргеньев». [А.Белых, Чтение поэзии — занятие целомудренное. Октябрь, № 5, 2009].

...Кто на русскую музу покусится,
от души заявлю ему так:
тяга к Бродскому — признак безвкусицы
и мешанства позорного знак!..

Вдохновение Приборова питают лукавство Ходжи Насреддина, безупречная графомания капитана Лебядкина, афористическое умничанье Козьмы Пруткова и пародийный пафос Евгения Сазонова, абсурдистская безысходная реальность Николая Олейникова и Хармса, игровая доверительность соц-арта, парадоксальная гражданская лирика Дмитрия Александровича Пригова с русскими-татарами по краям Куликовского поля и «милиционером» в центре мироздания. Гражданская позиция Приборова — это кондовая смесь из православия, самодержавия, народности (в смысле «советского народа, как единой общности советских людей»), со Сталиным в виде наковки на коллективной груди и сермяжной верой в единственно правильные решения партии и правительства. Его взгляд на внешний мир сведен к черно-белой переводной картинке, описанной провидческим пером Владимира Уфлянда: «Другие страны созданы для тех, / Кому быть русским не под силу».

Образ зиновьевского «гомо советикуса» Приборова — расхожий, к сожалению, типаж в городской толпе и в российской глубинке, в магазинах и сельпо, дома и в турпоездах, в телепрограммах, на избирательных пунктах и патриотических митингах. Кенжеев в интервью сетует, что в нынешней России такой стандартный характер в общем-то и придумывать не надо, да и писать все бессмысленней по этому поводу — «приборовы» сегодня, безо всякой иронии и сарказма, стали всенародными героями агитационных поэтических шедевров, которыми радуется многотысячных поклонников неиссякаемая Юнна Мориц и иже с ней.

Господин товарищ Путин!
 Больше ты не резидент!
 Ты русалка, а не трутень,
 Наш законный президент!

Богатырь на поле брани,
 Твой кулак нам не разжать!
 Сами мы тебя избрали,
 Сами будем обожать!

На избрание В.В.Путина на второй срок

Возникает вопрос, насколько Приборов убедителен как поэт, обыватель и литературный персонаж? Если говорить о технике, о вещах формальных, то Ремонт пишет классическим русским стихом, преимущественно двусложными размерами, но и трехсложными, более часто встречающимся амфибрахием, нежели анапестом, который охотно употреблял «певец страданий простого народа» Николай Некрасов («некрасовский скорбный анапест»). Здесь не только логическая связь и духовная скрепа между гражданином-поэтом и поэтом-гражданином, но тем самым ритмикой введена эпическая дикция и балладная просодия.

В творческом наследии Ремонта есть и написанные гекзаметром патриотические оды, силлабо-тонические поучения и экономические послания, идеологически правильные басни с притчами и пьесы с действующими лицами типа Сталина, Ленина, Дзержинского, Луначарского, Пушкина, Бабеля... Начало пьесы, для примера:

Киров: Дух Ленина витает над морями.
 Троцкий: Дух Пушкина витает над водой.
 Тухачевский: Дух Мусоргского тоже вместе с нами,
 вечнозеленый, страстный, молодой.
 Сталин: Я тоже молод, но зато могуч...

Напоминает абсурдистскую драматургию обэриутов, а с точки зрения партийного торжествующего идиотизма — шедевры коммуниста Ивана Рачады, члена СП СССР, в 1970-е публиковавшиеся в советской периодике. С теми же сценическими героями и подобными репликами, бессистемно привязанными, в духе метерлинковской «статической драмы», к конкретным персонажам, а по нарративу родственными плакатным лозунгам.

Приборов — это еще и «подражания классикам», «стихи для новых русских детей», многочисленные аполитичные, в духе КВН-капустников, обращения и посвящения братьям по «Московскому времени» и коллегам по писательскому цеху. Таким образом, стихотворений с уклоном в политику в сокровищнице и писательском тезаурусе Приборова не так много, предполагаю, не более 30% — 40% от им написанного. Судя по изданной в 2014 году книге Приборова, все, сочиненное после 2009 года, — прозаические небольшие тексты, а более-менее полное стихотворное собрание датировано 1969—2009 годами.

Мальчик Теодор

В 2006 году выходит в свет поэтический сборник «Бахыт Кенжеев. Вдали мерцает город Галич. Стихи мальчика Теодора». [Бахыт Кенжеев. Вдали мерцает город Галич. Стихи мальчика Теодора. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2006. Проект “Воздух”, вып.17. Все стихотворения в этой части эссе — из этой публикации].

Первое, что бросается в глаза, — цитата в названии, между Кенжеевым и Теодором. Словно тот узкий участок штукатурки в Сикстинской капелле, который никогда не преодолеют протянутые навстречу друг другу пальцы Творца и Адама. Полный зазор между сущим и сущностью, незаполненный и незапомненный первым человеком, представшим перед Богом.

Магнитное мерцание этой пустоты на высоком потолке капеллы в Ватикане необъяснимо, как и герметичный текст Александра Введенского, который вам, возможно, открыт, и вы его своим пониманием, надеюсь, заполните: «...где плакал Разин шерстью псов / запоминая жесть псалмов / к дубравам чудным повлечен / вдали мерцает город Галич / показан как минутный палец / и слышит княжескую речь / суков полей и Вятки чернь / и он говорит не вы черепа / желаю доспехи вычерпать / молебен отслужи!..» [А. Введенский, Минин и Пожарский. С. 56. // Полн. собр. произведений в двух томах. Том 1. Произведения 1926 — 1937. М.; «Гилея», 1993].

Дальше — перевернуть обложку, открыть сборник. Глаза останавливаются на фотографии Теодора. Как считают литературоведы, люди сведущие, она напоминает фотографию Кенжеева в детстве.

бывало по утрам в охапку
вагон заезженный металл
безбедный швед роняя шапку
глазел и горько пьедестал
и пел и вспоминал невольно
могилы милого стокгольма
недавний выстрел в молоко
но им до наших далеко

«Мало кто ожидал от моего доброго знакомого, одиннадцатилетнего мальчика Теодора, — пишет автор предисловия Кенжеев, — что он внезапно увлечется сочинением поэзии. С одной стороны, мальчик может целый день проваляться на диване с томиком Хармса, Асадова или Анненского. С другой стороны, сам он, по известным причинам психиатрического порядка, изъясняется с трудом, почти бессвязно, не умея — или не желая — сообщить окружающим своих безотчетных мыслей. Стихи мальчика Теодора значительно яснее, чем его прямая речь; надеюсь, что создаваемый им странноватый мир (где верная орфография соседствует с весьма приблизительным воспроизведением русских склонений и спряжений, а логика строится по своим, находящимся в иных измерениях, законам) достоин благосклонного внимания читателя».

Итак, аутист с божьим даром (от греческих: theos — бог, дарон — дар), Теодор появился на свет в 2006 году, сразу в возрасте одиннадцати лет. Его заслуженная слава, что бы и как он ни писал, — в некоторой степени результат nepoтизма, можно не сомневаться. Как и в случае с Евтушенко, поддерживавшего даровитую Нику Турбину. Всю свою недолгую жизнь Ника страдала бронхиальной астмой. В 9 лет вышел ее первый сборник («Жизнь моя — черновик. / Все удачи мои, невезенья / Остаются на нем, / Как надорванный / Выстрелом крик»).

«Психиатрически» неблагополучный поэт Теодор в одиннадцать лет получил весомую поддержку одного из самых титулованных русских поэтов конца XX — начала XXI века Бахыта Кенжеева. На мальчика обратили внимание, он стал широко известен в узком поэтическом кругу. А что получил, благодаря стихам мальчика Теодора, его судьбоносный покровитель?

Правильней будет спросить: о чем говорит нам и ради чего сочиняет юный гетероним Теодор?

печальна участь апельсина
 в мортирной схватке мировой
 расти без мрамора и сына
 качая римской головой
 его сжует девятый пленум
 и унесет река Ловать
 евгений проданный туркменам
 не мог страстнее целовать

Меня категорически не устраивает объяснение явления Теодора, данное в одной из рецензий: «Небольшой сборник... построен на игре в некоторую необязательность высказывания, демонстративную расфокусированность поэтики. Передав авторство книги некоему 11-летнему мальчику... Кенжеев иронизирует над многозначительной иронией, неочевидными метафорами, ломкой языковой нормы ради выразительности...» [Bookmix. Клуб любителей обсуждения книг. <https://bookmix.ru/book.phtml?id=162542>]

То есть читатель имеет дело с пародией на современную актуальную поэзию и преодолением ею норм, с казусами литпроцесса и прочем окололитературном трепе, поскольку, где метафора очевидна, а где нет, и где начинается ломка языковой нормы чего-то там ради — пусть в любого из нас бросит камень тот, кто возьмется об этом однозначно судить. Надеюсь, он будет хотя бы частично информирован о том, что произошло в мировой поэзии, допустим, после романтизма XIX века.

это вещи которые я люблю
 это люди которые я терплю
 безразлично в ненависти в любви там
 словно алым закатным по облакам
 словно кубики с буквами по бокам
 потерпевшим греческим алфавитом...

Если Теодор — это та часть Кенжеева, его гетероним, суть которого — некая язвительная насмешка над модернистской поэтикой и после нее, то как быть тогда с тем, что в его поэзии отражены наивысшие достижения поэтического слова прошлого и этого веков, от футуристов, символистов, акмеистов, Хлебникова, Вагинова, Кузмина, Мандельштама, обэриутов, концептуалистов, «лианозовцев», «московского времени» (естественно), метареалистов и до самых последних поэтических попыток и поисков.

Над кем смеется? Над собой? В таком случае, ряд строчек Теодора можно вульгарно воспринимать как самопородию на неправильную русскую речь гастарбайтеров, «понаехавших» из среднеазиатских стран, того же Казахстана: *«выбираясь президентом / даже честный местный житель / чистит зубы мастердентом / суд вершит над нарушитель»*, или *«старший ключ в шкатулке лаковой / ночь кривой а реч прямой»*.

«Над нарушителем»? «Ночь кривой»? «Рэч прамоной»? Ради этого восточно-базарного акцента уважаемый акын Бахыт-ага городил бы Теодора?

Станиславский тут же, без всякого спроса, подсказывает: «Не верю!»

В сборнике стихов Теодора вы не найдете самого мальчика. Никакого инфантилизма, размышлений о детстве и отрочестве, впечатлений о школе, учителях и одноклассниках, хотя бы поверхностной имитации сознания ребенка. Ничего подобного. Лексика и читательский багаж — интеллигента российской столицы, разменявшего «полтинник», «полтос», «полтишок» лет пять-десять назад.

Никаких привязок — биографических, этнических, географических. Обнаружившийся в сборнике южно-украинский портовый Херсон (*«в херсоне где яд отвергал митридат / где сосны шумят без кальсон, / шерстистые звезды взывая твердят / о смерти похожей на сон / в херсоне где одноладонный хлопок / истлел как египетский хлопок...»*) — больше о «сне» из старого анекдота, поскольку название города —

двусложное, и об известной буддийской притче с хлопком одной ладонью. Возможно, в тексте — дань Хлебникову, выпустившему в Херсоне свою первую книгу «Учитель и ученик» (1912) и родившемуся там же поэту Александру Кабанову (1968), которого Кенжеев высоко ценит, но это лишь догадки. Теодор не ставит знаков препинания и не дает названий большинству текстов.

младые поколения в пентхаусах домишк
не обожают ленина и сталина не слишк
но это лишь напраслина пустые свитера
зачем с водой выбрасывать младенца из ведра

Похоже, мальчика выплеснули вместе с водой ради акцентировки внимания на его психическом отклонении. Следы отклонений в текстах оставлены и являются важной, оправдывающей существование Теодора причиной. В известной постмодернистской традиции, когда для «вивисекции языка» (по определению П.Вайля и А.Гениса) Саше Соколову в «Школе для дураков» понадобился главный герой — ученик Такой-то, страдающий от раздвоения личности и нелинейного восприятия времени; Андрею Битову в «Пушкинском доме» — пребывающий в мире иллюзий Лева Одоевцев; Венедикту Ерофееву в «Москва-Петушки» — алкоголик и святой юродивый Венчик, маниакально стремящийся попасть на Красную площадь.

Через разъятое, неадекватное сознание героев, лингвистические изъязы и симулякры в их речи постмодерн пытается решить актуальную проблему языка — невозможность высказывания прямого или косвенного, стертость и заезженность лексического знака, накопленную заштампованность, закодированность коллективной памяти. Когда ни ирония, ни смысловая игра уже не помогают и остается надежда на деконструкцию, алогизмы, препарирование семантики и синтаксиса, инверсию (самый распространенный прием в ранней поэзии Э.Лимонова), анафоры, афазии, анонимность автора («скриптора» в постмодернистской терминологии) или появление на свет гетеронимов...

По крайней мере, это создает, используя постмодернистский словарь, «эффект реальности». Любопытно, что среди всего этого разнообразия часто встречающийся прием Теодора — эллипсисы, что есть намеренный пропуск слов, не существенных для смысла выражения (в нашем случае, существенных — тем более): «словно алым закатым по облакам», «отрада вольного улова / веселый складывать слова», «веревка протяжная с детским бельем / в прокуренной фильме феллини», «я натуру не насилую / верь не бойся не просить», «когда декабрем наливается грудь / простыл огляделся устал», и т.д., и т.п.

...не унывай просись на ужин
не огорчайся сам не свой
пускай неожиданный и не нужен
осколкам скорби мировой...

В постмодернистской эстетике кроется еще одна важная проблема: ощущение истощенности личного словаря при постоянной необходимости в создании текстов. Кенжеев пишет стихи с пятнадцатилетнего возраста, и за десятки прожитых лет отношения с языком, как и у подавляющего большинства годами пишущих, становятся настолько близкими, что необходима дистанция для того, чтобы слова, фонемы, морфемы, семантемы начать снова различать. Возможно, дистанция марафонская: «Российская поэзия фантастически богата, казалось бы, бери — не хочу. Но словам и интонациям учиться невозможно, их уже навсегда застолбили сами авторы»

[С.Алиханов, Бахыт Кенжеев: «Хочешь песни колыбельной — только воли не проси». «Новые известия», 10 июня 2018 год].

«Мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны», — заметил как-то Сергей Аверинцев. А философ и культуролог Александр Пятигорский в своем эссе о постмодернизме, интерпретируя слова Умберто Эко, написал: «...У.Эко пишет, что настоящий постмодернист отчаянно пытается объяснить себя другому — другу, врагу, миру, кому угодно, ибо он умрет в тот момент, когда некому будет объяснять. Но, объясняя себя другому, он пытается сделать это как другой, а не как он сам».

«Свежая кровь», что называется, необходима. И незамысленный взгляд, и ненамоленное место. Привычка к сложившемуся типу говорения, зарекомендовавшие себя приемы и наработки, как и прочие привычки применительно к страсти, любви, верности, гибельны для искусства. Эта личная проблема — частный случай в связи с «потерпевшим греческим алфавитом» или по отношению к «осколкам скорби мировой». Для того чтобы собрать, сложить «осколки» (а успешность этого предприятия находится под угрозой множества рисков), есть известный путь: все старое-трафаретное до основания разрушить, деструктурировать, а потом построить новый мир-рим-речь. Здесь и находятся область интересов Теодора и местожительство его музы.

Зачем же столько усилий? Перед лицом какой трагедии постмодернист готов пожертвовать едва ли не всей мировой культурой? Ответ простой: тишина. Ничего нет страшней для писателя, но если все звуки произнесены, буквы записаны, слова отправлены в библиотеку-архив, то наступает безмолвие. «В метапоэтике Б.Кенжеева утверждается приоритет творческого процесса перед его результатом. Речь, движение «звукового узора», наконец, просто бессвязный лепет ценны сами по себе, вне зависимости от их изначальной цели. Даже если итогом усилий оказывается всего лишь «скороговорка, нелепица», непрерывность поэтического процесса остается главной творческой установкой протагониста. В конечном счете, только так и можно противостоять молчанию, которое осознается как самая незавидная для поэта участь и фактически приравнивается к смерти». [А.Бокарев, Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970—1980-х годов. Ярославль, 2013].

Если гетероним «Мальчик Теодор» берет на себя ответственность за постмодернистский дискурс, то гетероним «Бахыт Кенжеев» предоставляет свободу высказывания той части «скриптера», которой есть что сказать по такой всеохватной теме, как модернизм.

Бахыт Кенжеев

Бывал и глуп, и скуп, и сам себе не равен.
Поплавай-ка, муму. Жужжи, моя пчела,
как бы гораций. Пой, сверчок-державин.
Расправь, олейников, два бронзовых крыла.

Б.Кенжеев. «Жизнь восхитительна...»

В одном из интервью поэт сообщает, что школьные годы он провел под фамилией матери, москвички Елены Карасёвой: «В школе меня (по инициативе русской бабушки) звали на русский манер, однако же, в университете я уже этого никак не допускал. Конечно, приятно быть <счастливым> (что и означает мое имя)» [«Уховертка под божьим камнем». А. Белых: диалоги с Бахытом Кенжеевым. Сетевая словесность].

Если за русской фамилией следовало еще и русское имя, как он сам его в разных беседах к себе прилагает — Борис, то мальчика в 20-й московской школе имени Наташи Качуевской звали, очевидно, Борей Карасёвым. Я поинтересовался об этом у одного из школьных учителей Кенжеева, знатока литературы, переводчика Романа Каплана, легендарного владельца манхэттенского ресторана «Русский самовар». Роман сказал мне, что Бахыта Кенжеева иначе в школе не называли. Похоже, в интервью — очередная мистификация Кенжеева, но нам остается принять его слова на веру: Карасёв так Карасёв.

Тема национальной идентификации была в семье, видимо, не из последних. В этом плане любопытна следующая история: «Когда я пошел получать паспорт, за мной увязался мой папа, Шкурулла Кенжеевич... Майор милиции поприветствовал меня: “Здравствуйте, Бахыт Шкуруллаевич. Поздравляю вас с получением советского паспорта”. И как само собой разумеющееся: “Так я в пятой графе пишу русский?” — “Нет, я казах”. — “Погодите, вы ведь по маме Карасёв, имеете право”. — “Но я не хочу”. — “Вы понимаете, насколько легче вам будет в будущем?” — “Да нет, русских и так много». Кончилось тем, что после долгих споров он все-таки записал меня казахом. Выхожу от майора и вижу отца. Мой бедный папаша, орденосец, который прошел всю войну, смотрел на меня жалкими глазами: “Бахытик, ты кем записался?” — “Казахом, конечно”. И это был первый и единственный раз, когда я видел слезы радости на его глазах [Сара Садык, «Бахыт Кенжеев о казахском в себе, об СССР и России, о "Лолите" и западных ценностях...» Nomad кочевник. 17 июля 2017 года].

Остаться официально казахом — было волевым решением. Другое дело, насколько шестнадцатилетний юноша, которого в двенадцать лет родители с трудом вытаскивали по вечерам из библиотеки, написавший в пятнадцать первое стихотворение, мог предугадать (задумать?) свою судьбу русского писателя с богатой библиографией, составленной, по большей части, из книг казаха Бахыта Кенжеева. Интересно, что на сайте «Русской премии», лауреатом которой в 2009 году стал Кенжеев, «неоклассик современной литературы» в заголовке одного из интервью был назван казахским поэтом из Канады. [«Казахский поэт из Канады Бахыт Кенжеев стал лауреатом "Русской премии". Радио «Азаттык». 08 апреля 2009 года. <http://russpremia.ru/press/000000132/>

С «казахским», очевидно, перебор, но оставив имя и фамилию, Кенжеев ввел себя в известный ряд русских литераторов: «...в России считаю себя казахом. Там есть прекрасные примеры состоявшихся “нацменов”, которым я завидую. Это Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Юлий Ким, Чингиз Айтматов, Василь Быков... Мне очень приятно находиться в этой компании. Они, естественно, прекрасные русские писатели... Они все-таки чувствовали себя немножко гостями в русской литературе. Я не вижу в этом ничего страшного». [Сара Садык, «Бахыт Кенжеев о казахском в себе, об СССР и России, о «Лолите» и западных ценностях...» Central Asia Monitor, 7 августа 2017 года].

Гость — это всегда возможность ощущать себя «другим», это привилегия иметь взгляд со стороны на происходящее, на всякий предмет. В этом месте особо напрягаться не надо, чтобы перебросить мостик к понятию «чужой» в содержательной, языковой и смысловой составляющих модернизма, с которым поэт Бахыт Кенжеев связан напрямую. По отношению к русской литературе Кенжеев свою «чужесть» подчеркивает: «... мои стихи не совсем русские. Мой первый родной язык был казахский, как ни странно это теперь. То есть на русский я все равно смотрю чуть-чуть отстраненно. Мне указывают, что в моих стихах для русского человека слишком много мотивов степи, кочевничества. Это какие-то очень тонкие механизмы, через

которые предки влияют на мое мировосприятие». [«Как легко поскользнуться на собственном прошлом...». «Форбс», № 52, декабрь, 2015].

«Чужой», «чужое» слово — в концепции Бахтина о существовании художественного текста в ситуации полилога культуры, подхваченной мыслью Лотмана о литературном знаке, который хранит в себе память всех предшествующих употреблений, а следовательно, объяснение смысла с самого начала связывается с историчностью знака, пониманием текста через контекст. Различные интерпретации при объяснении разницы между «интертекстом», «интертекстуальностью», «цитатой», «реминисценцией» и «аллюзией» показали, что цитация — не частный, второстепенный элемент текста, а указание на какую-то существенную грань авторского замысла, принципиально важную для адекватного восприятия произведения и, шире, средство выражения авторской интенции. Тот самый «культ литературной памяти», созданный модернистом Т.С.Элиотом в его поэзии, и проблема литературной традиции, к которой он не раз обращался в своих критических статьях.

По частоте цитирования, что отмечают исследователи творчества Кенжеева, он уникален в сегодняшней русской поэзии. Рядом с ним можно поставить, по-моему, лишь концептуалистов — осетинца Тимура Кибирова и не-осетинца Льва Рубинштейна (был в 1980-х годах в Ленинграде замечательный тусовочный персонаж по кличке Вишня. В паспорте, в графе «Национальность», у него было записано «русский». Вишня коряво приписал чернилами частицу «не»: «нерусский»). Однако у концептуалистов — свои концептуальные задачи и не модернистские решения.

Если приложить «сетку цитат из русской литературы» к текстам Кенжеева (так в рассуждениях о цитациях Шекспира в «Улиссе» прилагают «сетку цитат» к тексту Джойса), то получится, предполагаю, впечатляющий узор — из лучших сентенций, образов, тропов, наполненных аллитерациями, ассонансами, паронимическими аттракциями. В традиции постломоносовской поэтической школы, русской поэзии после реформы Тредиаковского. К сожалению, практически неисследованной до сих пор остается проблема цитации как структурообразующего элемента произведения или ряда произведений. «Цитата, — писал Мандельштам в «Слове о Данте», — не есть выписка. Цитата есть цикада, — неумолкаемость ей свойственна».

Такую задачу — глобальную по отношению к нескольким векам русской литературы, смелую, мог бы решать русский писатель Борис Карасёв, «запоём зачитывавшийся в детстве и юности». Но то, что этому, периодически подчеркивая свою «инаковость», с любовью и всю сознательную жизнь отдан казах Кенжеев, говорит о неких знаковых нюансах, без которых был бы неточно прочитан литературный модернистский проект «Бахыт Кенжеев», который я рассматриваю в духе высказывания Джамбаттиста Вико (из «Новой науки», 1725): «Воображение есть не что иное, как переделка запомненного», или Джойса в разговоре с Фрэнком Бадженом: «Воображение — это память». Все сказанное ни в коем случае не ущемляет высочайших творческих прочих заслуг поэта и прозаика Кенжеева, напротив, расширяет представления о его поэтике и достоинствах.

«Доминирующим видом лирической субъективности в поэзии Б.Кенжеева является лирический герой, хотя его структура... отличается большей сложностью. Как показывает статистика, в лирике Кенжеева преобладают перволичные формы единственного числа (74,31 %), а герой характеризуется пассивно-страдательной жизненной позицией, поскольку замещающие «я» местоименные и глагольные формы преобладают над равным самому себе субъектом (62,84 против 51,36 %). «Мы»-формы достаточно распространены (42,62 %), но уступают косвенным способам репрезентации протагониста (46,99 %)... Приведенные данные позволяют говорить, во-первых, о том, что лирический герой Кенжеева отчетливо осознает себя как индивидуальность с

определенным взглядом на мир и свое место в нем, но в то же время использование оптики, позволяющей смотреть на себя со стороны, свидетельствует об утрате самоаутентичности, которая у Кенжеева носит не тотальный, а эпизодический характер, и особенно остро проявляется в первых «эмигрантских» стихах. Во-вторых, большая доля текстов с «мы», а также внимание к синкретическим и диалогическим способам представления субъекта указывают на важную роль чужого сознания и интересубъектного начала... Самые продуктивные из них (*форм высказывания*. — Г.К.) — реплицирование (6,75 %), синкретическое «ты» (6,55 %), субъектно не маркированные конструкции (5,46 %) и ролевое «я» (3,27 %). Иными словами, лирический субъект Кенжеева способен фокусироваться не только на себе, но и на «другом» в прямом смысле слова. Временами «чужое» сознание настолько увлекает героя, что межличностные границы «размываются», а высказыванию сообщается «универсальный» характер...» [А.Бокарев, Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970—1980-х годов. Ярославль, 2013].

Вовсе не имеется в виду, что шестнадцатилетний юноша, ощутивший тягу к русской поэзии и настоявший на своей национальной идентичности, тогда же и задумал свое поэтическое будущее в образе гетеронима Бахыт Кенжеев. Все сложилось, это очевидно, ситуативно, но я не удивлюсь, если когда-нибудь обнаружатся неопубликованные стихи и проза русского писателя Бориса Карасева, которые во всех смыслах будут не похожи на все, написанное Кенжеевым.

Гетеронимы — не искусственное изобретение, не артефакт, а возможность объяснить и выявить приобретенное с рождением, воспитанием, образованием, но ранее не высказанное *alter ago*. Это шанс дать своему «другому» обрести слово, «чужое» по отношению к иным ипостасям автора и его предыдущим высказываниям. Ремонт Приборов не похож на мальчика Теодора, тот не похож на Бахыта Кенжеева, а Кенжеев — на Бориса Карасёва.

Если мы ничего пока не знаем о писателе Борисе Карасёве — это не значит, что он не существует, равно как это не означает, что на настоящий момент о нем имеет четкое представление Бахыт Кенжеев (конечно, если «уже не написан» Карасёв «в стол»). Но каковы могут быть причины появления гетеронима Бахыт Кенжеев?

То, что таким образом можно *отстраниться*, то есть вывести себя «из автоматизма восприятия», отойти от русской литературы на расстояние (фаустовское?) и, обозревая-цитируя-перекликаясь, осознать ее по модернистски, как особую и необходимую часть речи, если высказаться «по Бродскому» (а в речи Кенжеева-гетеронима эта часть особенно велика), позволяет напомнить о теории Жерара Женетта. Она изложена в его статье о Борхесе: теория о всемирной литературе как единой «книге мира», «великом безымянном творении», где каждый автор является лишь случайным воплощением вневременного и безличного Духа. Ролан Барт сказал проще: «Невозможно... жить вне бесконечного текста, независимо от того, будет ли этим текстом Пруст, ежедневная газета или телеэкран». Речь — о попытках цитированием, реминисценциями, сочетанием «чужих» текстов со «своими», включить произведение в гипертекст культуры. Все это — частные случаи проявления того диалогизма, о котором говорил Михаил Бахтин. Для казаха Кенжеева такое *отстранение* от русской культуры — более естественно, чем для русского Карасёва (что-то вроде того, как Гоголь, в ином столетии, как бы внедрился в северный Питер, чтобы его понять и посмотреть на него с отстранением, параллельно в русскую литературу вколов инъекцию южной украинской чувственности).

Еще одна из мотиваций: в восприятии Кенжеевым русской классики может быть силен элемент саморефлексии, сознательного преодоления границы между казахской и русской культурами. Путь, который прошел в Дублине Джойс, сводя культуры ирландскую и английскую. Опять-таки, если я, русский читатель, не знаю

хрестоматийных песен айтысов, творчества народных акынов, текстов классика казахской литературы Абая Кунанбаева, не читал знакомый по школе «Путь Абая» Мухтара Ауэзова и имею отдаленное представление о книге «Аз и Я» Олжаса Сулейменова, то это, как говорится, мои проблемы. И если Кенжеев не знает казахского языка, это не значит, что казахская литература для него не существует. Напротив, при такой ситуации возможен обостренный вариант данной саморефлексии.

Это приводит к повторам и возвращению к собственной текстологии. Существование казаха в русской литературе — вовсе не обязательно, но причина для не то чтобы неуверенности в себе, но убежденности в правильно выбранном маршруте, в перепроверке пути, по которому идет твой караван из поэтических и прозаических книг.

Русский писатель, со всеми «вечными темами», на которые русские писатели стремились ответить: о добре и зле, дерзаниях и тщете, о маленьком человеке и большом, о смысле жизни, о счастье, о Родине, о природе человека, о социальных законах и Вселенной, о Боге, прежде всего. При этом некая двойственность не дает возможности остановиться на темах, стиле, имени, и ведет к лицедейству, к многоликости со всем ее многообразием языка и лиц, к гетеронимам.

Интересно, что и в жизни Кенжеева немало таких раздвоений. От нереализованного судьбой: «Отец... был сыном ишана южного Казахстана. И если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция, то и отца, и меня ждало бы несколько иное будущее... я получил бы духовное образование в Саудовской Аравии, а светское в Лондоне. Правда, мне при этом говорят, что тогда бы и меня не было на свете, но это уже другой вопрос». [Поверх барьеров. Поэт Бахыт Кенжеев. Интервью с Иваном Толстым. Радио «Свобода». 30 сентября 2001 года.]

И до: «Почти двадцать лет — вплоть до горбачевской перестройки — ни я и никто из литераторов, знаемых, любимых или уважаемых мной, в эти Александрийские библиотеки (речь идет о журнале «Юность». — Г.К.) носу не казал, близко к ним не подходил! Разве что Кенжеев, но у него это как-то обаятельно, не противно получалось, потому что он даже не легок, а легук» [Сергей Гандлевский, «Трепанация черепа». История болезни. Повесть. СПб.: Пушкинский фонд, 1996]; или по собственным ощущениям: «О да, человеческий удел — страдание, преодолеваемое красотой, зачем же лодке доверяем мы тяжесть урны гробовой, дар напрасный, дар случайный, голова моя машет ушами, как крыльями птица, на Васильевский остров я приду умирать и все такое. Однако за пределами этого высокого мира, в земной юдоли, мы (говорю за свое поколение) могли опереться на четкую систему ценностей». [Бахыт Кенжеев, Горечь карнавала. О поэзии Александра Кабанова. «Интерпоэзия», № 3, 2014.]

Вернуться по тексту — истории, судьбы, стихотворения, проверив, все ли расставлено по местам, все ли слова в порядке. Масса сомнений, самоцитат и цитат повсюду. Янус двулик, но и трехликий восточный «янус» шестирукий — остается тем же безучастным Янусом, напоминающим о разных возрастах, национальностях, культурах.

Наиболее просвещенные из коллег
уверяют, что я повторяюсь, что я
постарел, но не вырос. Влажный вечерний снег
бьет в глаза, и перчатки куда-то пропали. Стоит
ли мельтешишь, оправдываться на бегу,
преувеличивая свои достоинства...

По большей части стихи Бахыта Кенжеева не имеют названий, некоторые заканчиваются многоточием, одна из книг, как на картине Рене Магритта «Это не

трубка», названа «Названия нет», а сборник перед этим — «Невидимые». Его прозаические книги словно написаны мало знакомыми друг с другом авторами, и разные его стихотворения, авторы которых — три, по крайней мере, гетеронима. Он родился в Чимкенте, жил в Москве до переезда в Канаду, из которой в 2006 году переехал в США. Пишет по-русски, профессионально переводит с английского на русский и наоборот, не знает казахского. У Пессоа в «Книге Непокоя»: «Сколькими Цезарями я был, но — нереальными. Был императором, пока мечтал, и поэтому никогда не был никем. Мои войска были разбиты, но поражение стало смешным, и никто не погиб. Я не потерял знамен... мой сон прервался на углу улицы...»

Как отмечают исследователи творчества Пессоа, в контексте собственной гетеронимии он перестает быть ортонимом (то есть действительно существующим автором), но вследствие такой «драмы в лицах» превращается в одного из собственных гетеронимов.

В отличие от вопросов «что?» и «как?» практически всегда невозможно ответить однозначно на вопрос «зачем?» Зачем человеку бессмертие, несколько жизней вместо одной, разные языки вместо одного, не одно имя, а их переключки, и не одна душа, а их соцветие. Хотя на последний вопрос ответ есть: «Душа моя — Элизиум теней».

Не тени, а — теней.

Элизиум, естественно, всегда в единственном числе.

...Но был ли мальчик? Не было, пожалуй.
Век всякий тесен, словно обруч ржавый
у Бога одинокого на лбу.
Душе, моей подруге непослушной,
так скушно здесь. Лишь океан воздушный
утеха ей. И все же — не могу

во имя древней верности и веры
впустить ее в синеющие сферы,
где в пухлых тучах гложет свет и звук.
В окне без стекол и без занавески —
такой простор — поплакать только не с кем,
да птица Рух торопится на юг.

Нью-Йорк,

16—23 февраля 2019 года